

ПРОЛИВ ЛИТКЕ

Посвящается С. Ф. Габриеляну

Варган, бывало, лежал в своем рубленом доме на топчане, глядел на карту, которая висела у постели, и все думал: она одна такая — эта земля. Этот остров Карагинский. Десять лет прожил Варган здесь, и край этот все казался ему отдельной планетой, маленьким глобусом.

Между Карагинским и Камчаткой проходит пролив Литке. Всего-то по прямой каких-нибудь сорок-пятьдесят километров. Но это только на карте «всего-то». А когда идешь по Литке и не видно ни острова, ни полуострова, это уже бескрайний океан. Собственно, Литке и есть океан. Часть его. По крайней мере, во время урагана стоит одинаковый рев в Тихом океане, Беринговом море, проливе Литке, и потому все это единое целое.

На острове живет человек триста. Правда, всех одновременно ни разу не доводилось видеть, даже когда в единственном клубе заезжие артисты дают концерт, но за десять лет Варган, наверное, повстречался с каждым. Триста человек — это один современный дом. На Карагинском много домов. Можно сказать, почти триста домов и юрт. Словом, триста человек — это целый остров. А возьми, к примеру, и замени островитян другими людьми, живущими в каком-нибудь городе. Ничего не выйдет. Сами не выживут и остров загубят. Варган был убежден, что только островитяне и никто другой могут жить и работать на Карагинском. Никто не мог бы заменить, например, деда Матвея, этого старого морского волка, вечного рыбака. Даже двухнедельного Лешку, сынишку боцмана Толи, и того не заменит никто из сверстников. Не выдержат малыши. Не выдержат, потому что у них отец не такой, как боцман Толя, который всегда улыбается, показывая ровный ряд белых зубов.

Всего триста, но есть школа и больница, милиционер и кинемеханик, хронический алкоголик и поэт. Есть тундра для оленеводов и океан для рыбаков. Уже десять лет Варган рабо-

тал капитаном на маленьком рыболовецком сейнере. И чем больше проходило времени, тем больше он убеждался, что он рожден именно для такой жизни. Его нисколько не удивляло то, что до своего совершеннолетия он ни разу не видел «живого» моря и вдруг стал заправским моряком. Родился Вартан, как сам любил говорить, в горах Армении, и с детства все кругом казалось ему морем, а горы — волнами. Уже потом, в открытом штормовом океане он убедился, что весь этот бугристый простор чем-то действительно похож на его родину. Волны были как горы. Ведь горы, кажется, тоже покачиваются, когда подолгу смотришь на них.

На острове у Вартана было все. Обычно так и говорят — «все», когда человек ни в чем не нуждается. Для Вартана в это «все» входило многое, в том числе и ощущение победы над стихией, и свобода, и деньги, и скука. Моряков считают романтиками. Мальчишки с детства мечтают стать моряками. Они хотят встретиться с морем, жить на нем, работать на нем. И не знают, наверное, ни те самые мальчишки, ни те, кто моряков считает романтиками, что море может быть настоящим адом. Штиль надоедает своим однообразием. Шторм — тем, что после того, как ты случайно спасся, тебя ждет все тот же штиль. Но кто знает, может, в этой жизни и есть вся прелесть, которую способен почувствовать только врожденный моряк. Может, ад этот создан, чтобы понять и оценить рай. Ведь человек тоскует по морю, чтобы там, на море, тосковать по земле. Для Вартана и сам Карагинский был словно судно, словно льдина, дрейфующая в океане. И тосковал он, как здесь говорят, по Большой земле круглый год. Все десять лет.

Вартан удивлялся, что разлуку с домом легче всего переносят женатые. Те, у кого есть дети. Казалось, должно бы быть наоборот. Но выходило, что именно они, женатые, никогда не падают духом, не хнычут, не ноют. Они тоскуют по детям своим. Мечтают о встрече с ними. Торопят встречу. И чем ближе день заветный, тем они становятся бодрее, веселее, красивее. Да и женихам, пожалуй, не так уж плохо. Всегда они подтянутые, деловые, активные. Много разговаривают и все деньги, похоже, тратят на длинные радиogramмы. Боцман Толя, например, шутил, что все слова своей будущей жене он сказал в радиogramмах. Теперь им больше не о чем говорить.

Но зато как невыносимо тем, кто не только холост, но и невесты не имеет. Время для них тянется нестерпимо. Они не мечтают об очередном рейсе в море. Им нужен другой рейс. На

материк. За счастьем. Больше всего они боятся, что, отчаявшись, приобретут кота в мешке. Хотя иной раз им кажется, что лучше кот в мешке, чем пустой мешок.

Последним на маленьком сейнере женился сам капитан. Ребята, провозжая его в отпуск, шутили: «Или вернешься с женой, или все мы разводимся».

Улетая на материк, Вартан предчувствовал, что уж в этот раз он и впрямь женится. Много раз до этого он отправлялся в отпуск и всегда хранил тайную надежду, что вернется не один. Но ничего не выходило, все откладывалось до следующего отпуска. Он сознавал, что с годами, особенно когда перевалило за тридцать, труднее будет решиться на такой шаг. Становишься излишне разборчивым и надеешься на чудо. Но в тот отпуск Вартану повезло. Ему встретилось чудо. Вышло совсем архаично. Мать блудного сына приглядела ему невесту и устроила с ней встречу. Спектакль удался на славу. Очень скоро сыграли свадьбу. Свежеиспеченная выпускница Ереванского мединститута красавица Сона стала женой Вартана. Когда прошел первый месяц после свадьбы, он сказал матери: «У тебя неплохой вкус». Вартан привез молодую жену на остров, и стала она там работать врачом. Черные волосы, черные брови, большие черные глаза, белый чепчик и белый халат. Это впечатляло. Она одна такая. Фигура номер один на острове. Бог и царь. Волшебница, шаман. Триста пациентов, и все разбросаны по острову-планете. Через несколько дней она сказала Вартану, что побаивается своего положения: почитание, культ. Никто же не знает и знать не хочет, что она всего-навсего вчерашняя студентка, что только через плечо профессора видела, как длинные пальцы ловко вяжут узлы над операционным полем. На острове есть свой врач, и одно это уже вселяет в людей спокойствие. Случись теперь, не дай бог, что с тобой или с дитем — рядом волшебница, шаман. Дед Матвей как-то при большой толпе сказал, что наличие врача на острове — это, можно считать, прибавление к зарплате.

Впервые Вартан выходил в море с таким чувством, когда казалось, что часть его души оставалась на берегу. Он ловил себя на том, что начал тосковать еще до того, как сейнер отошел от стенки. Ребята тотчас же принялись подшучивать над капитаном. Боцман Толя, как всегда улыбаясь, выражал сожаление, что капитан вернулся из отпуска не один и не пришлось команде по договоренности объявлять «всеобщий развод». Но

уже через день-два Вартан почувствовал, что ему и плавается легче, и тоскуется веселее. И даже рыба ловилась лучше.

Команда с единодушием обнаружила, что капитан переменился. Самым заметным было то, что он стал разговорчивым, можно даже сказать, словоохотливым.

Раньше, бывало, за неделю слова не вставит в извечные споры ребят. Однажды только разговорился. Да так, что этот разговор все запомнили. Боцман Толя после обеда куском хлеба вытирал стол, и дед Матвей, покачивая головой в такт качающемуся кубрику, назидательно сказал:

— В твои годы я крошки собирал со стола и откладывал на потом, а ты хлеб превратил в тряпку...

Толя молча продолжал вытирать стол.

— Я в детстве мечтал о таком дне, — сказал Вартан, — когда хоть раз налопаюсь от пуза. И все-таки я не согласен с тобой, дед Матвей. Зачем ты напоминаешь оболтусу о голодных временах наших? Просто в каждом отдельном случае, когда хлеб, как ты говоришь, превращают в тряпку, надо бить по шее. — И Вартан краем ладони ударил Толю. Тот от неожиданности даже сел на пайолу.

Наступила тишина. Толя медленно встал, потер шею и процедил морщась:

— Насколько я понял, капитан, ты не шутил. — Боцман Толя обвел всех взглядом.

— Не шутил.

— Ты меня ударил со злостью.

— Со злостью, — сказал Вартан.

Все курили и молча следили за неожиданным диалогом. Такого на сейнере никогда не бывало.

— Что же теперь делать? — спросил Толя, все еще растирая шею.

— Уважать хлеб! И простить меня за громкие слова.

Боцман Толя вдруг рассмеялся. Сияющая улыбка изменила его лицо. Словно сговорившись, заулыбались все. В кубрике стало светлее. Толя протянул капитану руку. Тот дружелюбно пожал ее.

Но и после этого Вартан обычно молчал. То поднимался на палубу, то спускался в кубрик. И всегда был очень сосредоточен. Их сейнер вышел в передовые. Теперь уже отставать было неприлично. А значит, нужно глядеть в оба. Капитан должен уметь без всяких приборов и авиации угадывать, где могут быть косяки рыбы. И Вартан этому научился. А может, ему еще не-

много везло. Порой он сам удивлялся тому, как точно ему удавалось определять, что здесь вот есть рыба, а там ее нет.

Был последний рейс сейнера в сезоне. Зимой ему нечего делать в океане. Он не имеет отопительной системы, какая есть у больших траулеров, и может замерзнуть, как это иногда бывает с птицей в полете. Крохотное судно обледеневаает, превращается в бесформенный айсберг, валится набок и камнем идет ко дну.

К осени, когда заканчивается путина, сейнер вытаскивают на берег, чтобы не раздавило торосами.

В этот раз сейнер встречал почти весь остров. Только в тундре остались оленеводы. Поселок Ягодное (единственный на острове) вместе с детьми вывалил на берег. Не весь, конечно. В пятикоечной участковой больнице лежали девять человек. Там остались санитарка и сестра. Казалось, яблоку негде упасть, так много было народу. Всего-то, может, человек двести, а такое ощущение, будто весь мир там собрался. Собственно, для этих людей так и было — весь мир.

В разношерстной толпе, одетой уже по-зимнему, была и Сона. Несмотря на хлопоты с причаливанием сейнера, Вартан увидел ее сразу.

На берегу стоял невероятный шум. Люди громко разговаривали, пели. Они старались перекричать несколько транзисторных приемников и портативных магнитофонов, которые выдавали каждый свое, на разных волнах, на разный лад, один громче другого. Но стало еще шумнее, когда рыбаки смешались с толпой. Вартан подошел к Соне. Очень смутился. Даже поглядел по сторонам. Ему казалось, сейчас все смотрят на них. Его волнение передалось Соне. Она смотрела на мужа большими глазами и улыбалась. Вартан взял ее за руку, притянул к себе, притронулся щекой к щеке и тихо спросил:

— Ну как ты?

— Плакала много.

— Почему?

— И сейчас хочу.

— Давай поплачем лучше дома.

— Давай.

В тот вечер Ягодное веселилось вовсю. Со стороны можно было подумать, что веселятся сами дома, которые, казалось, даже немного шатаются. Их обитатели то гурьбой вываливали на улицу, то с песнями шли к кому-нибудь в гости. Пили, пели, смеялись. Приходили и к Вартану. Сона то и дело собирала на

стол закуску. К утру, изнемогшая, уставшая, легла на широкий топчан и сказала:

— Ну и обычай у вас.

— Не у вас, а у нас, — сказал Вартан.

— У нас, — повторила Сона и прижалась к нему.

— А что, разве не так? Разве не «у нас»?

— У нас, конечно, у нас. У нас теперь два острова, и оба начинаются на «Кар». Карабах и Карагинский.

— Умница. Как ты хорошо заметила. А я десять лет гляжу на карту и не подумал об этом.

— А о чем ты подумал, когда в первый раз увидел меня?

— Начинается.

— Нет, ты скажи.

— Я подумал: и на такой уродине я должен жениться...

— Бессовестный. В прошлый раз совсем другое говорил.

— А помнишь, как я тебя называл ежевикой.

— Ты ужасный человек. Не успел познакомиться, как сразу: «Давай поедем на Камчатку, там у меня остров свой есть». Вскружил девчонке голову.

— Ты тоже хороша. «Никуда не поеду без согласия родителей. И вообще я не смогу жить без мамочки и Карабаха».

— Я хотела узнать, не отняла ли Камчатка у тебя все армянское, все карабахское.

— И как?

— Не отняла. Это потому, что Камчатка совсем как Армения. Красивая и гористая. Только вот иногда колючая и холодная.

— Давай дадим радиogramму нашим мамам.

— Давай.

— А что им скажем?

— Скажем, что у нас все хорошо.

— А у нас действительно все хорошо? — спросил Вартан.

— Да.

...Нет, на острове нелегко жить. Человека никогда не покидает чувство изолированности от Большой земли. И даже в мечтах он не может свободно передвигаться. Остров и есть остров. Куда ни пойдешь — море. Островитянин никогда об этом не забывает. Зимой остров обрамляется ледяным кольцом, и можно считать, что площадь его увеличивается: мороз отвоевывает часть океана и превращает ее в твердь. Но только часть. Какие бы крепкие морозы ни гуляли в тех широтах, все равно сам океан не покрывается льдом. И тогда особенно заметно его

могучее дыхание. За это Вартан любил океан зимой, как любил и свой остров, зажатый ледяным обручем.

Все дни Вартан пропадал на охоте. Его команда зимой превращалась в охотников. Вместе ходили в лес, в открытую тундру: больше за зайцами. На охоте они рассказывали друг другу морские байки, забывая о том, что в путину, как выражались сами, травили баланду об охотничьих былях и небылицах. Раньше, до женитьбы, Вартан свою добычу отдавал кому-нибудь из ребят, а потом ходил в гости. Теперь, если даже счастье ему не улыбалось, ребята не позволяли возвращаться с пустыми руками. Всем можно, молодожену — нет. Да еще жена с юга, из Карабаха, где, наверное, внуки не верят дедам, что когда-то в лесах ходили медведи, а зайцы ночевали в огороде.

Вартан, в отличие от прошлых лет, всегда торопился с охоты домой. Он спешил, чтобы успеть до возвращения жены из больницы приготовить свои фирменные блюда: зайца или куропатку, нашпигованных луком и зажареных в духовке. Сона с его охотничьими трофеями ничего не могла делать. Жалела зайцев. Но это не мешало ей с величайшим удовольствием, облизывая пальчики, уплетать сочные куски зайчатины.

В тот день команда работала на сейнере, находящемся на берегу. Каждому хватало работы — не все же оставлять на весну. Вартан к закату вернулся домой, но Соны еще не было. Он поджарил картошку, нарезал тонкие куски чавычи и окружил их колечками лука. Отварил несколько яиц, разрезал на половинки, вытащил желтки и наполнил красной икрой. Это уже не его фирменное. Это камчатские бутерброды. Сервируя стол, он вытащил на снег медвежьи шкуры и начал их чистить.

Как только все было закончено, пришла Сона и принесла с собой в дом свежесть морозного воздуха.

— Ты точно рассчитала, когда придешь домой... — сухо встретил ее Вартан.

— Я бы сейчас волка съела, — сказала она, торопливо снимая тяжелую шубу.

— Волчье мясо ужасно невкусное. Лучше картошки с красной рыбой и красной икрой.

— Не откажусь и от картошки с рыбой, и от красной икры. Но мне кажется, ты сегодня чуточку серьезнее, чем обычно. Что-нибудь случилось?

— Мне не нравится, что ты так поздно возвращаешься с работы.

— Это все зима. И поэтому тебе кажется «поздно». Сам однажды сказал, что после заката целых три часа можешь по свету определить запад. Ничего не поделаешь, больные.

— Советские больные — самые здоровые в мире. Это любимый афоризм моего друга, доктора Каявы... Давай лучше за стол.

Ели молча. Варган чувствовал, что испортил ужин. Понимал, что не спас положения и афоризм друга. Да, он был, конечно, виноват, но в то же время стоило ли скрывать от самого себя, что ему действительно не нравится, когда жена весь день пропадает на работе и возвращается домой поздно. Могла бы уж до путины побольше быть дома, а там хоть ночуй в больнице. Хочется, наконец, когда возвращаешься домой, чтобы дома было тепло, чтобы дома была жена и чтобы она ждала тебя.

— Ну как, вкусно? — спросил через силу Варган.

— Вкусно, — ответила она, не поднимая головы.

Варган хотел было еще что-то сказать, но постучали в дверь. Это была дежурная сестра. Задыхаясь от бега, она сказала, что в больницу на нартах привезли раненого коряка-охотника. Сона тотчас же накинула на плечи шубу и выскочила, ничего не говоря, на улицу.

До полуночи ворочался в постели Варган и не мог уснуть. Он боялся признаться даже себе, что ревнует жену к ее работе. Сам он никогда не болел, докторов видел только на обязательных медицинских комиссиях и никогда в жизни не задумывался, что есть такая на земле профессия, без которой людям никак нельзя. Вот и сейчас: привезли раненого человека...

Вдруг Варган встал, оделся и в крошечной тьме поплелся в больницу. Она находилась всего через дом.

Он сидел в ординаторской не раздеваясь. Вошла Сона. Лицо у нее бледное, усталое. Она посмотрела на него ласково и с благодарностью за то, что пришел.

— Что случилось?

— Мне страшно, Варган, — сказала она и села рядом с ним.

— Куда ранен охотник?

— В сердце.

— Как в сердце?!

— Он чистил ружье. Оно выстрелило, и шомпол пронзил ему грудь.

— И живой?!

— Да. Шомпол проколол сердце и сам же затампонировал отверстие. И теперь, если я вытащу его, больной умрет сразу.

— Что же делать?

— Нужно оперировать. А я не могу. Я толком аппендэктомию, грыжесечение не могу делать, а тут сердце. Только знаю одно: в конце прошлого века один знаменитый хирург сказал, что если кто-либо из врачей осмелится дотронуться рукой до сердца, то потеряет уважение коллег. Сегодня делают в крупнейших клиниках мира ежегодно тысячи операций на сердце, уже сделано несколько пересадок его. Но ведь я на острове живу: можно сказать, как в прошлом веке. Вытащу я шомпол — раненый погибнет. Но и с шомполом он долго не протянет.

— Ничего не поделаешь. Видно, судьба...

— Я сделала все, что нужно, но впереди не вижу никакого просвета.

— Сколько ты сможешь продержаться его?

— Трудно сказать, дня два, думаю.

— Уже светает. Не переживай. Я что-нибудь придумаю, — сказал Вартан и встал.

— Ты куда?

— Ты только сама держись. Поеду за Альфредом Каявой. Он все может. Он и на сердце делал операции, об этом газеты писали. Я привезу его, — и скрылся за дверью.

На острове часто говорят: «Мы погоду не выбираем, уж какая есть — вся наша». Об этом вспомнил Вартан, шагая по узкой, накатанной, едва заметной в утренней мгле тропинке к берегу. Давно к ним не летали самолеты и вертолеты. И связи часто никакой не бывает с материком. Но это островитян не очень тревожит. Многие здесь живут с тех пор, когда не было ни самолетов, ни радио. Старики тут не суетливые, уравновешенные и передают молодым, прибывающим на остров, свое спокойствие, как эстафету. Чего, мол, роптать, будет или не будет работать радиостанция, все равно самолет, или вертолет, или судно придет только при хорошей погоде. Чего роптать особенно теперь, когда на острове есть богиня, маг, волшебник, шаман в белом халате и в белом чепчике. Она предупредит любую беду. Островитяне еще ничего не знали о раненом коряке. Да и узнав, не будут паниковать, теперь ведь на острове есть врач.

Чем ближе Вартан подходил к берегу, тем чаще встречались ледяные торосы и тем свежее становился и без того морозный воздух. Там, на берегу, в сарае лежали его плоскодонная лодка «Казанка» и подвесной мотор «Вихрь». Он шел к ним и старался не думать пока о предстоящем переходе через пролив Литке, в Оссору к Альфреду Каяве.

Все было бы ничего, если бы берег не был загроможден гигантскими торосами, по которым одному-то очень сложно пройти, а не то чтоб тащить на себе мотор. Тащить мотор неудобно, он какой-то нескладный и тяжелый. Весит пятьдесят килограммов, но с каждым шагом становится все тяжелее. Не легче было возиться и с лодкой. Вартан, конечно, мог попросить кого-нибудь помочь, но тогда весь остров узнал бы, что он на плоскодонке вышел в океан. А это уже боевая тревога.

Раньше, когда он выходил на «Казанке» в море, не замечал, что берет с собой так много груза. Это и понятно. Летом лодка стоит прямо на берегу. Да и в море выходил он обычно с друзьями. А сейчас берег отделился от воды из-за льда на изрядное расстояние и пришлось по торосам тащить, кроме мотора и лодки, столитровую бочку с бензином, двадцатилитровый бак, шкерты, топор, лом, ведро, багор. И надо же было такому случиться: когда все уже дотащил до места, откуда ни возьмись, появился боцман Толя.

— Капитан, ты, часом, не сошел с ума? — спросил он.

— Ты зачем пришел сюда? — сказал Вартан, копясь в моторе и не глядя в сторону Толи.

— Соседский мальчишка прибежал, говорит, что капитан на лодке выходит в море.

— Где же этот соседский мальчишка? — Вартан выпрямился и оглянулся.

— Вон он ползет по торосам. — Толя показал на черную точку, приближающуюся к берегу.

— Вот что, Толя, прошу тебя, поговори с мальчишкой, пусть никому ни гугу.

— Да ты погоди. Ты что, и впрямь решил выйти в Литке? Это же черт знает что! Я не пушу тебя.

— Спокойно. С ума я не сошел. Все идет нормально. Ты только сделай так, чтоб никто на острове ничего не знал. Так надо, понимаешь?

— Ничего не понимаю. Ровным счетом ничего. Что случилось?

— Ничего не случилось...

— Но ведь ты погибнешь. Это же плоскодонка. Ты посмотри, что за мысом творится. Кто же в такое время и в такую погоду на корыте выходит в море? Это же Литке. Это же океан... Да и солнце уже, считай, закатилось...

— Ты очень много говоришь. Лучше оттолкни меня.

— Я пойду с тобой.

— Нет.

— Вдвоем будет легче.

— Вдвоем будет тяжелее, и ты это отлично знаешь. Помнишь, как однажды выбрасывали за борт матрацы, вещмешок и утварь? Тяжело было «Вихрю» тащить нас в шторм. Так что вдвоем будет нелегче.

— Меня же совесть замучает, если вдруг...

— А ты не каркай, — перебил его, улыбаясь, Варган, — все будет в порядке. Мне непременно нужно в Оссору.

«Вихрь» завелся с пол-оборота. «При таком-то морозе», — подумал Варган с уважением о моторе. Силенок у «Вихря», правда, маловато, зато надежный и выносливый, как хороший карабахский ишак. Варган сел вплотную к ветровому стеклу: так меньше продувало. Время от времени он поглядывал назад и видел, как в тумане стоят боцман Толя и мальчишка. Они махали ему руками. Через некоторое время, повернув за мысок, Варган уже не видел берега. Больше всего он боялся, что сойдет с пути. Вся надежда была на солнце, которое едва просвечивало сквозь гущу многослойных облаков. Варган держал курс на?.. Побережье Камчатки тоже на западе. Значит, солнце не только должно находиться впереди, но и слева. Там, где юг.

Иногда две волны, схлестываясь, подбрасывали лодку так высоко, что трехлопастный винт как пропеллер бешено визжал в воздухе. Потом «Казанка» шлепалась плоским брюхом на бугристую поверхность воды и, оказавшись в глубокой яме, словно в ущелье, медленно, пыхтя, взбиралась на гору. Зато с гребня волны, подгоняемая ветром, она стремительно скатывалась вниз, подобно саням, летящим с крутой сопки.

Все это Варгану было давно знакомо: и разноголосый шум моря с истерическим криком чаек, и нудный монотонный гул «Вихря», и брызги, летящие с «усов» прямо в лодку. Брызги эти тут же замерзали на нем, и постепенно он покрывался ледяным панцирем. Через каждые пять-десять минут приходилось ложиться на волну, тем самым меняя курс, чтобы убрать с прорезиненной куртки шершавый слой льда и оббить ледяные бугры, прирастающие к лодке.

Он хвалил себя вслух за то, что догадался прихватить ломик. Собственно, иначе и быть не могло. Сколько раз ему приходилось вместе с командой бороться с обледенением судна! Без лома не обойдешься. Бывало, сейнер превращался в настоящий айсберг. Еще немного, и он мог бы перевернуться под тя-

жестью льда. Но руки работали так остервенело, что стихия отступала. С тех пор Варган крепко поверил в надежность человеческих рук.

Ломом надо было бить осторожно, чтобы случайно не проколоть дно. Мороза Варган уже не боялся. Ему было жарко. Ни на секунду он не мог выпустить из рук штурвал и лом. В перчатках невозможно было работать. Они покрывались ледяной коркой, и пальцы переставали сгибаться. Но без перчаток стало еще труднее. На ладонях появились кровавые мозоли. В какой-то момент он почувствовал, что лицо окаменело. Потрогал нос, щеки. Испугался, как чужое все. Бросил лом, стал растирать щеки, нос, а сам с ужасом поглядывал, как растет число ледяных булыжников на палубе, на корме, на пайоле — деревянной решетке, покрывающей дно лодки. Правда, он заметил, что уже не так быстро леденеет вода, как полчаса-час назад. Зато усиливается ветер. Обычно циклоны и тайфуны несут с собой тепло. Но избави бог моряка от такого тепла.

Вскоре щеки у Варгана приятно загорелись. Теперь нужно было срочно обкалывать и выбрасывать за борт накопившийся лед. Он осторожно бил ломом по прозрачному льду, думая о Соне. Иногда она часами прихорашивалась перед зеркалом, и он с удовольствием наблюдал за ней. Ему очень нравились ее высокий светлый лоб, цвет кожи. Он вспомнил, как еще совсем недавно, нынче ночью, Сона вошла в ординаторскую, бледная, уставшая. Она была в отчаянии. Она и сейчас в отчаянии. Весь остров, можно сказать, отдельное автономное государство, верит в нее как в шамана.

Ветер дул все сильнее. Все крупнее и отчетливее стали вырисовываться на поверхности океана белые «барашки». По частоте и величине этих «барашков» моряки определяют степень волнения моря. Обледенение уже не пугало Варгана. Тонкий прозрачный слой льда на палубе смывался сам очередной волной. Действительно, стало теплее. Теперь приходилось откачивать воду из лодки. Он чувствовал, что вот-вот уже должен показаться берег. Правда, в море все относительно. Одно дело — ходить по Литке летом, в ясную погоду, в штиль, другое — в шторм, катясь на гребне волны порой в обратную сторону. На плоскодонке с подвесным мотором в плохую погоду можно за целый час не пройти ни одной мили. Тут опыт нужен. Надо уметь лавировать между волнами, съезжать с гребня, как по лестничным перилам. Надо уметь использовать и встречный ветер, и попутный. Хуже всего, когда ветер боковой. Вол-

ны, рассекаемые носом лодки, делятся на два «уса», и брызги с подветренной стороны летят в тебя.

На всякий случай Вартан решил привязаться капроновым шерстом. Уж слишком часто стало подкидывать лодку вверх. Ветер менял направление, и движение волн стало беспорядочным. Каждый «барашек», казалось, подчинился только своему закону движения и не имел с другими ничего общего. Иногда в этом шумном хаосе, словно на перегруженном перекрестке в гололед, врезывались друг в друга множество пенящихся бешеных волн, и гигантский, стального цвета столб с ревом устремлялся вверх, как вздыбленный конь. Будто там и тут падали бомбы. И как ни старался Вартан уйти от этих «бомб», все же одна угодила в него...

Припечатанный к поверхности воды, сидел Вартан на дне «Казанки» и, по сути дела, находился ниже уровня океана. Горизонт его начинается и кончается где-то в десяти-двадцати метрах. На море он смотрит снизу вверх. И вдруг «бомба». И в тот же миг подхваченная взрывной волной лодка поднимается так высоко, что горизонт устремляется в неведомую даль. Самое отвратительное для Вартана было чувство полета. Это совершенно противоестественно — лететь в лодке над водой. Вартан не мог бы сказать, сколько длился этот леденящий душу полет, но он понял еще в воздухе, что лодка, накренившись, перевернется. Он это почувствовал каждой клеткой. Не раздумывая, Вартан прыгнул в сторону и оказался в ледяной воде.

Ему и в голову не приходило, что он погибает, что это, может быть, конец. Сказать, что он ни о чем не думал, тоже нельзя. Думал о бочке с бензином, о том, чтобы мотор не утонул. И о ветровом стекле. Однажды в море у него разбилось ветровое стекло, и он тогда чуть не окончил. Все это промелькнуло в сознании мгновенно, пока падал в воду, пока еще не знал, вынырнет ли вообще.

...Вартан вынырнул из воды, и ему показалось, что он находится в глубоком каньоне. Но осмотреться не успел. В ту же секунду гигантская волна с белым гребнем навалилась на него. Он знал, что, если запаниковать и со страху поднять руки, волна сломает его, утопит, прокрутит и пропустит через себя, как через мясорубку. Ему хорошо было известно, что, когда падает волна, надо, не теряясь, нырнуть под нее. Огромное многоэтажное здание наваливается на тебя, но ты уже и раскачивался вместе с ней. Вверх-вниз. Он дрейфовал вместе с лодкой, но не замечал этого, как не замечаешь вращения Земли. Вновь поду-

мал о Соне. Неожиданно голову пронзила страшная мысль: «Как Сона одна доберется с края света до Карабаха — ведь она так плохо переносит самолет». И в то же время в нем жила какая-то уверенность в том, что все кончится благополучно. Теперь, как никогда, он мог точно сказать, что человек до самого последнего вздоха верит в то, что свет его звезды так просто не погаснет.

Вспомнилось, как часто спорили с ребятами, особенно после фильмов о войне. Все удивлялись, почему это человек, которого вот-вот расстреляют или бросят в газовую камеру, почему этот человек, зная о неминуемой гибели, напоследок не врежет врагу по морде, не ударит ногой ниже пояса?.. Почему человек, может вовсе и не трусливый, зная о том, что судьба его решена, продолжает в присутствии своих убийц и на радость им рыть себе могилу?.. У тех, кто умер, уже не спросишь. Но обвинить их в трусости, в животной покорности нельзя.

Человек надеется до последнего. Ему нельзя без надежды. Надеется на то, что «наши успеют». Надеется на чудо. Сбывались же надежды. Топор палача был поднят в воздух, когда нарочный на взмыленном коне ворвался в толпу с царской амнистией в руках. У холодной стены стояли измученные, изувеченные люди, держась друг за друга и поддерживая друг друга. Раздались выстрелы. Падали те, кто должен был расстреливать. Успели свои. Надежда. Нельзя без нее никак. Она часто приходит. Только надо уметь дожидаться. Но не только дожидаться. Драться. Зубами. Глазами. Всем.

Вартан уселся верхом на «Казанку», и она его подбрасывала, как необъезженный мустанг подбрасывает седока. Он несколько раз скатывался в пучину и сумел обмануть стихию — нырнул под основание падающей волны и, пробуравив толщу воды, оказался вновь на поверхности. Одно было плохо: он не всегда успевал уследить за ходом волны. Но и в этом случае нельзя терять самообладание. Волна, затопившая человека, сама же вытолкнет его наружу. Надо помнить об этом. Помнить и не паниковать, иначе захлебнешься.

Вартан не думал о том, что может заоченеть в ледяной воде, что его может скрутить судорога. Он радовался, что успел в последний момент привязаться к лодке капроновым шкертом. Чуть передохнув, он сильно потянул за шкерт и вскоре добрался до перевернутой лодки, которая раскачивалась на необузданных волнах беспомощно, как утка. «Бочка и мотор, — подумал он, — живы ли они?» И оттого, что о бочке и о моторе он

подумал как о живых существах, вспомнился раненый охотник с шомполом в груди. «Жив ли он? Как там Сона? Продержались бы». С этими мыслями Вартан нырнул под корму. Бочка и мотор были на месте. Вылез и не преминул мысленно похвалить себя за то, что крепко привязал бочку, и теперь она даже поддерживала лодку снизу. Ведь бочка с бензином не тонет.

Взявшись за борт, он сделал несколько резких рывков, но ничего не получалось. Нужна была та самая точка опоры, о которой мечтал Архимед. У Вартана в воде точки опоры не было.

Это было уже отчаяние. Нет ничего страшнее, чем сознание безысходности. Силы оставляли Вартана. Чтобы держаться на воде и не замерзнуть, нужно было постоянно двигать ногами и руками. Но его многослойная экипировка превратилась в тяжелый камень. Снимать же с себя ничего было нельзя. Наверное, не все знают, что одежда греет и в ледяной воде.

Вартан держался за борт перевернутой «Казанки» вновь, подтягиваясь на шкертке, настигал лодку. Потом понял, отчего он падает: перевернутая плоскодонка на вершине волны кренится набок. Вартан лег поперек плоского днища и ухватился за тот борт, который во время качки приподнимался больше. Используя мощь очередной волны, он изо всех сил тянул за борт, подпирая днище животом. Когда он опять оказался под водой и услышал над собой глухой шлепок, понял, что свершилось чудо. Надежда его не обманула.

Через минуту Вартан был уже в лодке. Воды в нее вначале почти не набежало. Он сразу приметил: ветрового стекла нет, ломика и топора нет, двадцатилитрового бака нет. Нет багра. Нет ведра. Это все плохо. Но Вартан понимал — самое страшное позади. Мало того, он не боялся новой аварии. Литке вернул ему жизнь, прихватив какие-то мелочи. Можно обойтись без бака. Шланг бросит прямо в бочку — и все. Так даже удобнее: не надо каждый раз, оставляя штурвал, отсасывать бензин из бочки в бак. Топор с ломиком уже не понадобятся. Было ясно, что невесть откуда взявшийся циклон дошел до Литке. Он принес с собой тепло. Быть урагану, но не быть сильному морозу. Успокаивало Вартана и то, что до настоящего урагана еще далеко. Теперь нужно успеть.

Одно огорчало — нет ведра. Без ветрового стекла вся вода будет в лодке. Надо все время выливать, а ведра нет.

Долго Вартан возился с мотором. Он вытащил свечи, старательно протер их ладонями — нигде не мог найти сухой тряпки — и, водрузив на место, стал нервно дергать за шнур старте-

ра. «Глухо, как в танке», — процедил он сквозь зубы, не переставая дергать за шнур. Вскоре, однако, «Вихрь» зачихал и закашлял. Варган чувствовал, как в груди радостно бьется сердце. Он стал разговаривать с мотором как с живым человеком. Мотор чихает, он ему говорит: «Будь здоров».

«Вихрь» делает несколько оборотов, начиная свою песню, потом замолкает, а он ему: «Давай, родной»...

Наконец мотор завелся. Принялся выводить свою единственную ноту. «Казанку» рвануло с места довольно лихо. Но через некоторое время «Вихрь» жалобно заревел. Слишком тяжела стала лодка. Много воды набралось в нее. Варган опять с тоской подумал о ведерке. Ругал себя, что не привязал его к лодке. Но в этот момент в голову пришла блестящая мысль. Колпак! Железный колпак от мотора! В жаркую погоду его вообще снимают, чтобы мотор не перегревался. Правда, сейчас опасно: слишком много брызг летит на него, да и шальная волна может захлестнуть.

Варган остановил лодку. Снял колпак и вычерпал воду.

После вынужденного дрейфа он с трудом обнаружил солнце. Страшно все-таки без ориентира. В море, когда ничего не видно, кроме воды, можно потерять самообладание. Но в море нельзя опускать руки. Если тучи закрыли солнце, надо во что бы то ни стало его найти. Надо внимательно взглядеться и суметь различить полутона. Не может же быть, чтобы туман начисто закрыл солнце. Даже спустя час, а то и два после захода солнца можно найти то место, где оно садилось. Варган шел на свой ориентир. Он заметил кусочек неба, который был чуть светлее серого свода, нависшего над серым морем. Этот кусочек неба, как далекое световое эхо солнца, стал его надеждой. Временами он его терял и вновь находил. Ему нельзя было ошибиться. Уж очень несовместимы такие понятия, как ураган, плоскодонка, ночь, холод, одиночество. Варган шел на запад. В этом сомнений не было. Сквозь толщу тумана он улавливал розовые тона. То был закат. Он не видел берега, но нутром чувствовал, что вот-вот кончится Литке. Его встретит твердь. Летом Варган не раз подходил на крохотном суденышке к безымянной бухте, за которой находится Оссора. Но сейчас на «Казанке» найти бухту и Оссору почти невозможно.

Когда неожиданно показался берег, Варган не поверил глазам своим. Всмотривался в туманный горизонт, отчетливо видел бугристую поверхность торосов, но все же боялся поверить в то, что это не мираж. Нет, ему не хотелось кричать: «Земля!!!»

В нем пробудились спортивные начала, заиграл азарт. Захотелось насладиться финишной прямой, ощутить всем существом каждый последний метр, чтобы убедиться, что пролив пройден, что Литке был благосклонен к нему.

«Литке мог запросто избавиться от меня, — рассуждал Вартан, — но он этого не сделал. Он, наверное, пришел в ярость оттого, что я на плоскодонке осмелился пройти часть Тихого океана. И все же спасибо тебе, Литке. Ты знал, что мне обязательно нужно добраться до Оссоры. Это нужно в первую очередь раненому коряку-охотнику, это нужно Соне. Это нужно всему острову, который верит в волшебство своего шамана».

Вдали торосы напоминали вспаханную землю, покрытую снегом; вблизи — кладбище с гигантскими, похожими друг на друга камнями. «Казанка» ударилась бортом о жесткую грань огромной ледяной плиты. Вартан перебрался на берег. Отцепив шкерт, он с тоской смотрел, как сиротливо дергается на прибрежной волне лодка. Он понимал, что видит ее в последний раз. Не потащишь же ее по торосам, разобьется о ледяные скалы. Было бы время, можно было что-нибудь придумать. Он в последний раз посмотрел на лодку, на мотор, тихо сказал: «Прощайте, друзья». И «Казанка» и «Вихрь», подхваченные прибоем, приподнялись на волне, словно сами хотели попрощаться с ним, словно хотели сказать: «Ты не переживай. Ты спеши!»

...Альфред Каява согласился полететь на остров сразу же. Он только сказал: «Какие тут могут быть разговоры». Он растер спиртом Вартана с ног до головы, дал ему переодеться в чистое теплое белье, напоил чаем и предложил немедленно залезть в постель, а сам отправился к авиаторам. Летчики всегда с охотой выполняли санзадания, но делали это только при летной погоде, а тут ураган. Как быть? На острове погибает человек.

Летчики связались с синоптиками. Оказалось, что циклон лишь «краешком» задел побережье и Литке. В основном он прошел стороной, и к утру небо слегка прояснилось.

...Вартан смотрел в иллюминатор вертолета. Внизу проходил Литке, покрытый сплошь белыми «барашками». Через полчаса показался Карагинский. Белый остров с черными пятнами домишек, из которых поднимался голубой дым. Приземлились у самой больницы. Винты еще вращались, когда Альфред и Вартан выпрыгнули на землю. Весь поселок собрался здесь, у больницы. Люди стояли группами и молчали.

— Я слышала, как приближался вертолет, — сказала Сона, открывая дверь в ординаторскую.

— Ну, как он? — спросил Каява.

Сона показала головой на предметы, лежащие на столе. Рядом с аппаратом для измерения кровяного давления и стетофонендоскопом лежал шомпол.

— Значит, вы держали в руках живое сердце, — добавил Каява.

— Да, — сказала Сона как-то бодро, и тут же опустила голову, чувствуя неловкость от собственной бодрости.

Охотник лежал на высоких подушках. На заострившихся скулах синели пятна, которые остаются от загара, от обветривания, от обморожения. Глаза ввалились и были едва заметны под широкими черными бровями.

— Ну как дела? Будешь еще стрелять шомполами? — громко спросил Каява.

Охотник улыбнулся. Он повернул голову, раскрыл узкие темные глаза и, улыбаясь, посмотрел на Сону.

— Мы шомпол этот заберем с собой как трофей, — решил Вартан, — повезем в Карабах.

— А чем же я буду чистить ружье? — тихо, все еще улыбаясь, спросил охотник.